Вырезка из газеты

МОСКОВСКИЙ
 КОМСОМОЛЕЦ

16 СЕН 1981

г. Москва

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

1981 ГОД ОБЪЯВЛЕН ЮНЕСКО ГОДОМ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО

Заслуженный артист РСФСР Геннадий Бортников — единственный в Москве актер, в чьем репертуаре четыре спектакля по Достоевскому.

С первого часа своей профессиональной актерской жизни и по сей день — вот уже 18 лет — он играет в Театре имени Моссовета. После окончания школы-студии МХАТ Геннадий был приглашен режиссером Юрием Завадским на главную роль в пьесе Виктора Розова «В дороге», где великолепно сыграл своего сверстника.

Еще в студенческие годы Геннадий зачитывался Достоевским. Придя на профессиональную сцену, сыграл в «Дядюшкином сне», в телефильме «Слабое сердце», а затем в «Петербургских сновидениях» (по роману «Преступление и наказание») роль Раскольникова. Последний спектакль стал событием театральной жизни Москвы и этапом в биографии артиста. Образ, созданный Бортниковым, трагичен и отмечен самостоятельностью творческого мышления. Не гордыня, не самоутверждение главенствуют в его Раскольникове, а мучительное, горькое искание истины жизни, острейшее ощущение болей всех страдальцев на земле.

— О роли Раскольникова, — вспоминает актер, — Завадский говорил мне еще в 1963 году, приглашая в свою труппу. А премьера состоялась в 1969-м. Но все это время Достоевский был со мной. Я имел возможность несуетливо думать о будущей работе. В свой ужасный час, стоя на эшафоте, Достоевский непременно хотел дожидаться, как блеснет луч солнца на золотой колокольне. И дождался — это было важно для него. Через этот факт биографии писателя мы видели Раскольникова в нашем спектакле. Луч солнца, луч надежды — сквозь мрак жизни, луч веры, не гаснущий в человеческой душе и дающий ей силы оставаться человеческой... Это главное для меня, хотя с годами образ героя в какой-то мере меняется...

В «Петербургских сновидениях» Геннадий играет уже более 10 лет. Сегодня его «линия судьбы», связанная с Достоевским, продолжается неожиданной двуединой ролью Смердякова и Черта в новом спектакле театра «Братья Карамазовы».

— Когда мне предложили роль Смердякова, я сразу отказался, — признается Бортников. (И его можно понять. Мир его героев благороден, добр. Сам актер — высок, строен, одухотворенно красив. И вдруг: Смердяков — уродливое, страшное существо...) — Но позже у режиссера Павла Хомского появилась интересная идея — впервые в театральной практике соединить роли Смердякова и Черта. Черт становится живым персонажем, и в обличье Смердякова является Ивану Карамазову в момент его кошмаров... Нова и двойственность этих персонажей, она дает новые ключи к понятию «смердяковщина». Меня эта идея захватила. Я стал перечитывать роман, и оказалось, что образ Смердякова много сложнее привычных о нем представлений. Нашлось много любопытного, казалось бы, даже необычного для этого гадкого, злое ще подлого создания. Например, поездка в город — возвращается он преображенным внешне. Значит, ему хочется быть привлекательным. Он заинтересовался библиотекой Карамазовых. Мы часто видим его в очках, с книгой. Собранные вместе детали эти вели меня к сложности создаваемого образа...

Работу Бортникова в «Братьях Карамазовых» можно назвать выдающейся. Осуждение и сострадание, трагедия, ирония, гротеск — все причудливо и глубоко сплелось в двуликом Смердякове. Черте и обнаружило истинное постижение актером духа и мира Достоевского.

— В будущем, — говорит Бортников, — мне хочется в театре, а может быть, на эстраде представить жизнь самого писателя...

С. ДАВЛЕКАМОВА.
 (АФН).